УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.8

DOI 10.17223/23088451/14/15

А.Л. Агабекян

О СОДЕРЖАНИИ ТЕРМИНА *COMMUNITY SANCTIONS AND MEASURES*
В МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТАХ ОБ АЛЬТЕРНАТИВАХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Рассматривается проблема отсутствия официального перевода с английского языка на русский положений международных стандартов альтернативных наказаний. Обращается внимание на необходимость реализовать данное требование соответствующими уполномоченными органами и распространить как можно шире и более точно не только среди органов власти, но и среди представителей средств массовой информации и общественности. Анализируются существующие неофициальные переводы документов Совета Европы, касающихся мер, не связанных с изоляцией преступника от общества. Предложен наиболее корректный, по мнению автора, перевод на русский язык выражения *community sanctions and measures*.

Ключевые слова: международные стандарты альтернативных наказаний, община, общинные санкции и меры.

Уголовно-исполнительное законодательство РФ и практика его применения основаны на Конституции, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах России, являющихся составной частью российского законодательства.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ч. 4 ст. 3 отмечает, что лишь при наличии необходимых экономических и социальных возможностей рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний могут быть реализованы в уголовно-исполнительном законодательстве. Отметим, что, несмотря на отсутствие обязательности, специализированные международные стандарты не следует недооценивать [1, с. 46–47]. Во-первых, в документах содержатся положения, которые отражают признанные многими государствами нормы и принципы. Во-вторых, степень осуществления положений документов расценивается как критерий «цивилизованности» уголовно-исполнительной системы [2, с. 89–96].

В Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. (далее – Токийские правила 1990 г.) содержится рекомендация по применению и соблюдению их положений на национальном уровне с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий и традиций каждой страны [3, с. 100–113].

Учитывая, что большая часть положений международных стандартов об альтернативных наказаниях не имеет официального перевода с английского языка на русский, возникают серьезные препятствия к их применению. Примечательно, что Рекомендация Комитета Министров о Правилах Совета Европы о пробации 2010 г. (далее – Правила о пробации 2010 г.) и Рекомендация о Европейских правилах в отношении общинных санкций и мер 2017 г. (далее – Рекомендация 2017 г.) содержат положения о необходимости обеспечения перевода указанных документов на национальный язык.

Так, Комитет Министров Совета Европы в Правилах о пробации 2010 г. рекомендует правительствам государств-членов обеспечить перевод и широкое рас-

пространение этой рекомендации и комментария к ней, особенно среди судей, сотрудников службы пробации и тюремного ведомства, а также представителей средств массовой информации и общественности [4, р. 86–102].

Рекомендация 2017 г., пришедшая на смену Рекомендации о Европейских правилах в отношении альтернативных санкций и мер 1992 г. (далее – Рекомендация 1992 г.), практически повторяет аналогичное положение Правил Совета Европы о пробации 2010 г. с дополнением о том, что необходимо обеспечить перевод на национальный язык (языки) и распространить как можно шире и более точно не только среди судебных органов, службы пробации, администраций тюрем, но и социальных служб [5].

В п. 4 Преамбулы Токийских правил предлагается государствам-членам довести до сведения определенного круга субъектов, имеющих отношение к применению мер, не связанных с тюремным заключением, положений данного документа, а в п. 11 содержится просьба «принять надлежащие меры для обеспечения как можно более широкого распространения Токийских правил, включая их передачу правительствам, заинтересованным межправительственным и неправительственным организациям и другим соответствующим сторонам». Указанные положения, хоть прямо и не говорят о необходимости обеспечить перевод документа, но включают рекомендацию официального перевода уполномоченными органами государства [3, с. 100–113].

Отталкиваясь как от накопленного опыта, так и от общего видения обстановки в государствах-членах, в Приложении к Рекомендации 1992 г. Совет Европы отмечает, что эти Правила выступают в качестве руководящего и направляющего пособия для всех кто отвечает за разработку национального законодательства и его применение [3, с. 114–132].

Несмотря на то, что различными учеными-правоведами в России вышеперечисленные документы переведены с английского языка на русский, все же на официальном уровне данное требование не реализовано. Это, в свою очередь, создает определенные проблемы единообразного понимания содержания актов.

Говоря о международно-правовом значении терминологии, А.П. Мовчан пишет, что «терминология в международном праве, являющемся результатом согласования воли различных государств, достигнутого зачастую в результате многолетней и упорной борьбы, взаимных уступок и воздействия различных общественно-политических сил, является чаще всего итогом значительных усилий и поисков компромиссов со стороны официальных представителей государства. Поэтому терминология в международно-правовых актах – декларациях, договорах, конвенциях, уставах, регламентах и т.п. – не может быть отнесена только к области юридической техники» [6, с. 61]. Соглашаясь с этой позицией, отметим, что в связи с многозначностью юридической терминологии представляется важным четко и по возможности единообразно определить значение тех или иных выражений и терминов для унифицированного их понимания.

Особого внимания заслуживает выражение *community sanctions and measures*, закрепленное впервые в Рекомендации 1992 г., ведь данный термин является ключевым в определении содержания документов ООН и Совета Европы, касающихся мер, не связанных с изоляцией правонарушителя от общества.

Представляется интересным определить количество упоминаний в текстах документов слова *community*: в Токийских правилах – 12 раз, в Правилах о пробации – 37 раз, в Рекомендации 1992 г. – 96 раз, в Рекомендации 2017 г. данное слово использовано 105 раз. Слово *sanctions* в Токийских правилах употребляется лишь трижды, в Правилах о пробации – 33 раза, в Рекомендации 1992 г. упоминается почти в 3 раза больше – 103 раза, но больше всех используется в Рекомендации 2017 г. – 110 раз. В Токийских правилах слово *measures* используется, как ни странно, чаще слова *sanctions* – 54 раза, в Правилах о пробации – 31 раз, а в Рекомендациях 1992 и 2017 гг. – 100 и 112 раз соответственно.

Вместе с тем в Токийских правилах 1990 г. не используется как таковой термин *community sanctions and measures*, вместо этого применяются выражение *non-custodial measures*, который обозначает меры, не связанные с тюремным заключением [3, с. 100–113], вероятно, этим и объясняется данная статистика. Большое количество упоминаний выявлено именно в специальных актах Совета Европы, касающихся альтернативных санкций. Это объясняется тем, что в них подробнее раскрывается содержание положений Токийских правил 1990 г. Однако перевод с английского на русский язык выражения *community sanctions and measures* различными авторами существенно отличается.

В Сборнике документов Совета Европы под редакцией В.Б. Первозванского и Н.Б. Хуторской используется термин «альтернативные санкции и меры» [7, с. 117–118]. Принимая во внимание, что прилагательное «альтернативный» с русского языка на английский можно перевести дословно как *alternative*, а в названии данного документа нет указанного английского слова, думается, что такой перевод не совсем точен. Хотя он имеет право на существование, ведь санкции и меры, рассматриваемые в Европейских правилах, выступают в них как альтернативы лишению свободы.

Вместе с тем в системе наказаний российского уголовного законодательства предусмотрена смертная казнь, которая хоть и не реализуется на сегодняшний день, но тоже является своеобразной альтернативой лишению свободы. Однако международные стандарты альтернативных санкций применяются с тем, чтобы преступник все же оставался в социуме, поддерживал устойчивые связи с теми группами, которые позволят ему продолжить достойное существование в нем (насколько это возможно). Подчеркнем, что указанные документы касаются лишь тех санкций и мер, которые не связаны с изоляцией от общества, а смертная казнь уж тем более не включается в их число. Поэтому термин «альтернативный» в данном контексте не совсем удачен.

Часто утверждают, что следует избегать термина «альтернативы тюремному заключению», поскольку он предполагает, будто тюремное заключение – это нормальное наказание за преступление, а другие наказания являются в той или иной мере менее адекватными. Генеральный секретарь PRI Вивьен Стерн в своей работе «Альтернативы тюремному заключению в развивающихся странах» использует указанный термин, поскольку рассматривает проблему частого применения тюремного заключения и возможность ее снижения. Она не затрагивает санкции, не связанные с лишением свободы в целом, а лишь в той мере, в которой они могли бы чаще использоваться вместо наказания в виде тюремного заключения или досудебного содержания под стражей, с тем чтобы сократить уровень неоправданного применения тюремного заключения и ввести наказания, которые выгодны с точки зрения социальной политики [8, с. 6].

Составители сборника документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем название Рекомендаций 1992 г. перевели как «Европейские правила исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества» [9, с. 5–33]. Представляется, что хотя данный перевод более точен, он имеет определенные недостатки, в частности в документе идет речь не только об исполнении, но и о назначении санкций и мер, т.е. об их применении в целом, а также о законодательном их оформлении.

Есть и другие варианты перевода на русский язык выражения *community sanctions and measures*. Так, информационная система по документам по правам человека и тематическим публикациям [10], а также электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [11], сверив перевод со Сборником документов Совета Европы, составителями которого являются Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвикова [12], предоставляют доступ на своих официальных сайтах в сети Интернет к переведенной Рекомендации 1992 г., где данное выражение звучит как «общие санкции и меры». Считаем, что этот перевод вовсе не является корректным, ведь он не передает сути этих правил. Тем более что слово «общий» с русского на английский язык переводится как *common* [13], а не *community*.

Однако самая распространенная версия перевода указанной фразы – это «общественные санкции и меры» [3, с. 114–132]. Представляется, что этот вариант наиболее удачен, хотя и он не в полной мере соответ-

ствуется сущности Европейских правил. Для обстоятельного анализа обратимся к словарям.

Кембриджский словарь *community* переводит с английского языка на русский как «населенный пункт» (the people living in a particular area) и «община» (group of people with the same interests, nationality, job, etc), т.е. имеется в виду группа людей с похожими интересами, национальностью, работой и т.д. [14]. Оксфордский словарь этот термин толкует как «группа людей, которая живет в определенной области, стране и т.д.» (all the people who live in a particular area, country, etc. when talked about as a group), а также указывает на «принадлежность к обществу» (belonging to society) [15].

Согласно Большому толковому словарю русского языка, «общество» – это совокупность людей, объединенных общими для них конкретно-историческими условиями жизни, объединение людей, ставящих себе какие-либо общие задачи. Поэтому под «обществом» нередко понимается организованная сила, во многих случаях противостоящая государству (например, гражданское общество), имеющая определенные рычаги воздействия на правонарушителя. А «община», напротив, – это такая организация людей, которая не предполагает изоляции. В древности и в средние века под «общиной» понималась самоуправляющаяся организация жителей какой-либо территориальной единицы [16]. В нее входят те, кто будет рядом и окажет необходимую поддержку и посильную помощь.

Обращаясь к истории, отметим, что на первобытной стадии общественного развития «община» являлась универсальным институтом, выступающим носителем совокупности общественных функций, определяющих всю систему отношений: это и производственный, и семейно-бытовой, и культовый коллектив. Гарантией сохранения античной общины служило равенство входивших в нее свободных граждан, самостоятельно обеспечивавших свое существование. На развитие и конкретные формы общинных организаций накладывали отпечаток естественно-географическая и историческая среда, в которой находились общинные организации, характер хозяйственной деятельности, а также этнические компоненты. Одним из вариантов соседской общины являлась русская средневековая община. Особенностью русской общины были ее стабилизация и укрепление в период позднего феодализма. При самодержавно-крепостническом режиме община представляла собой «...союз по владению надельной землей», оставалась объединением крестьянских хозяйств, удовлетворяющим их нужды как совладельцев земли, связанным с обычным способом расселения (село и деревня), являющимся в то же время демократической организацией местного самоуправления. В.И. Ленин видел в общине товарищеский союз крестьян, нуждающийся в защите от самодержавного «попечительства», и поэтому заявлял, что «...общину, как демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз, мы, безусловно, будем защищать от всякого посягательства бюрократов...» [17].

«Общинный дух», как отмечает Л.Б. Алаев, не был совершенно неведом другим народам, однако наиболее

шее развитие он получил и наиболее крепкие корни пустил именно в России [18, с. 45–72].

В.А. Уткин считает, что для российской действительности более удачным будет использование термина «общинные санкции и меры», поскольку «в отличие от лишения свободы осужденный остается в “общине”, т.е. не изымается из привычного социума» [19, с. 151]. Это необходимо для поддержания устойчивых связей с теми группами, которые будут способствовать его исправлению. А термин «общественные» менее адекватен для использования, ведь он противопоставляется другому понятию – «государственный».

С данным утверждением согласен руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги А.В. Колесников, который в статье «Три фронта “общества граждан”: усиление конфликтности» ввел новый термин «общество граждан». Под ним он предлагает понимать тот «тип гражданской активности, который противостоит давлению власти и основан на либеральных и демократических ценностях». Как отмечает автор, «гражданское общество в России – своего рода зонтичное понятие, которое покрывает как одобряемую государством активность, так и не одобряемую» [20].

В этой связи представляется интересным анализ уровней социума. Как отмечает И.С. Кон, чем более замкнутой является группа, чем беднее ролевая структура его членов, тем больше единообразия в ее поведении. Напротив, разрушение иерархической системы, выводящее личность за рамки особенной группы, вовлекающее ее в системы опосредованных отношений с большим числом индивидов, делает ее индивидуальное существование все более и более всеобщим [21, с. 96]. Поэтому под «общиной» в контексте Токийских и Европейских правил следует понимать такой уровень социума, который заключен в малых социальных группах, приближенных к личности. Вследствие уравнивания чувств различных личностей внутри социальной группы последняя обретает определенный единый облик. Единство членов одного и того же общественного круга обусловлено схожестью душевных состояний его членов, являющихся носителями единого общественного духа [22, с. 129].

Принимая это во внимание, отметим, что для целей Европейских правил оптимальным, корректным и адекватным будет употребление именно термина «общинные санкции и меры», сутью которого является сохранение и поддержание устойчивых социально полезных связей правонарушителя с общиной.

Ценность общинных санкций и мер, как отмечают известные нидерландские ученые-правоведы А.М. ван Кальмхоут (Anton M. van Kalmthout) и Дж.Т.М. Деркс (Jack T.M. Derks), должна заключаться не только в том, что правонарушитель может оставаться в общине в течение всего периода применения санкций. Реальная ценность и смысл общинных санкций и мер заключается в том, что они способствуют реинтеграции правонарушителей в общество. Это достигается путем стимулирования и улучшения чувства ответственности правонарушителей и их социальных навыков путем выявления последствий их противоправного поведения и обраще-

ния к ним с просьбой о проведении ресоциализационной деятельности. Поскольку в общинных санкциях и мерах акцент делается на вовлечении правонарушителя в жизнь общества, а не на исключении из него, это означает, что участие и приверженность общины, в частности местной общины, являются необходимыми. Многие из этих новых санкций и мер (в частности, общественные работы, курсы социальной подготовки) нуждаются в участии общества; в конце концов именно поэтому они называются общинными санкциями, или санкциями, основанными на общинах [23, р. 14–15].

Если сравнить нынешние системы санкций с теми, которые были тридцать или сорок лет назад, приходится констатировать, что во всех странах простая система санкций с лишением свободы, штрафом и тому подобным перестала существовать. Перечень наказаний и мер был расширен с добавлением таких, не связанных с тюремным заключением, как пробация, общественные работы, компенсации и реституции, посредничество между жертвой и правонарушителем, программы лечения (особенно для наркоманов и насильников), домашний арест и электронное наблюдение, отсрочка приговора с надзором и др., а также сочетание этих мер (комбинации двух или более таких санкций). Особенность этой новой категории санкций заключается в том, что они имеют смысл только в случае, если правонарушитель готов сотрудничать. В этом смысле они существенно отличаются от традиционных наказаний, поскольку требуют сотрудничества со стороны правонарушителя [Там же, с. 14].

В приложении к Рекомендации 2017 г. «общинные санкции и меры» определяются как «санкции и меры, при которых подозреваемые или правонарушители остаются в общине с некоторыми ограничениями их свободы посредством установления условий и / или обязанностей». Этот термин обозначает любую санкцию, назначенную судебным или административным органом, и любую меру, которая применяется до или вместо решения о назначении санкции, а также способы исполнения приговора к тюремному заключению за пределами тюремного учреждения.

Отметим, что санкция с точки зрения теории права представляет собой часть правовой нормы, в которой определяются последствия ее нарушения или неисполнения, предусматриваются меры государственного воздействия в отношении ее нарушителей. Санкция всегда выражает реакцию государства в лице его органов на противоправное поведение граждан. Именно санкция придает юридическим нормам и всему праву общеобязательный характер [24, с. 619].

Используемое в национальном и международном праве понятие «санкция» включает в себя наказания, но не исчерпывается ими, охватывая все возможные формы государственно-принудительного воздействия на правонарушителя. Таким образом, термин «санкция» в международном праве борьбы с преступностью шире термина «наказание», поэтому не все рекомендуемые Токийскими правилами «санкции» являются наказанием [19, с. 56, 61].

Несмотря на то, что санкция, являясь лишь частью правовой нормы, сама по себе ответственностью не

является, но исходя из анализа содержания международных актов альтернативных санкций, представляется корректным определить санкцию как юридическую ответственность, которая является одним из средств борьбы с правонарушениями, обеспечения правомерного поведения [25, с. 425].

Определенную ясность вносит комментарий к п. 1 Рекомендации 2017 г., который указывает на то, что «общинные санкции» предполагают определенное ограничение свободы, как и большинство видов уголовных наказаний, но позволяют людям продолжать жить в общине и выполнять вытекающие из этого обязанности, в то время как они подвергаются надлежащему наказанию за свои правонарушения. Поэтому общинные санкции могут использоваться для поощрения социальной интеграции, позволяя людям сохранить большую часть своих прав и развивать образ жизни, в котором нет места преступлениям. Такая социальная интеграция способствует укреплению социальной справедливости и справедливых возможностей, особенно шансов найти работу, отыскать жилье и наладить личные отношения, – все эти факторы, как известно, связаны с воздержанием от совершения правонарушений [5, р. 4].

«Общинные меры», как указано в комментариях, могут включать меры по недопущению предварительного заключения под стражу: могут быть разработаны меры по обеспечению достаточных гарантий от совершения правонарушений, побега или вмешательства в отправлении правосудия без возвращения людей под стражу без ущерба для прав и интересов жертв. Во многих странах большое число заключенных содержится в ожидании суда зачастую в наихудших условиях. Некоторые из них впоследствии оправдываются и освобождаются после неизбежного причинения им вреда; некоторые осуждаются, но приговариваются к общинным санкциям. Так что их предварительного заключения, как представляется, можно избежать; даже если за осуждением следует тюремное заключение, необходимо по возможности избегать предварительного заключения, поскольку страдания от тюремного заключения в принципе не должны наступить до вынесения приговора [1].

Рекомендация 2017 г. в п. 2 отмечает, что национальное законодательство должно предусматривать широкий круг соответствующих общинных санкций и мер, которые должны быть доступны для применения на практике.

В комментариях к этому пункту приведен примерный перечень общинных санкций и мер, который не является исчерпывающим: альтернативы предварительного заключения под стражу, такие как требование о проживании подозреваемого по указанному адресу и / или о надзоре и помощи со стороны учреждения, указанного судебным органом; пробация / общинный надзор как независимая санкция, назначаемая без вынесения приговора к тюремному заключению; приостановление (отсрочка) исполнения приговора к тюремному заключению на определенных условиях; общественные работы (т.е. неоплачиваемая работа на благо общины); компенсация / возмещение ущерба потерпевшим; медиа-

ция между потерпевшим и правонарушителем; принудительное лечение правонарушителей, злоупотребляющих наркотиками или алкоголем, и лиц, страдающих психическими расстройствами, связанными с их преступным поведением; ограничение свободы передвижения; электронный мониторинг; условное освобождение из тюрьмы с последующим надзором после освобождения [5, р. 4–5]. Следует ожидать, что со временем будут разработаны новые виды общинных санкций и мер, которые также будут охватываться этими Правилами.

Общинные санкции и меры часто вводятся для того, чтобы предоставить судам ряд возможностей избежать тюремного заключения и в надежде на то, что они сократят общее число заключенных. Фактически взаимосвязь между показателями тюремного заключения и применением общинных санкций и мер является сложной и спорной. Тем не менее, если общинные санкции и меры применяются разумно и соразмерно, они могут способствовать сокращению числа тюрем. В любом случае их следует ценить не только за их потенциал по сокращению численности заключенных, но и за позитивный вклад в обеспечение справедливости и социальной интеграции [Ibid., с. 4].

Конечную цель системы уголовного правосудия ООН видит в возвращении правонарушителя к жизни в обществе, ввиду этого лишь альтернативы тюремному заключению могут быть эффективными средствами обращения с правонарушителями в общине в интересах как правонарушителей, так и общества. Европейские правила 2017 г. отмечают значительный прогресс, который произошел в государствах-членах в применении санкций и мер, исполнение которых происходит в общине.

Важным является установление общих принципов в отношении уголовной политики среди государств – членов Совета Европы в целях укрепления международного сотрудничества. Ввиду изменяющейся практики в области санкций и мер, исполняемых в общине, и проблем, выявленных государствами-членами, требуется регулярно обновлять положения, содержащиеся в Европейских правилах.

С течением времени появляются новые возможности для более эффективного применения общинных санкций и мер, поэтому тюремное заключение, согласно Рекомендации 2017 г., должно применяться только в качестве крайней меры. Примечательно, что данное положение впервые нашло отражение в Преамбуле именно этого документа, так как в преамбулах иных вышеуказанных актов ранее отсутствовало прямое указание на эту непоколебимую истину, она раскрывалась лишь в Приложениях к ним.

Подводя итог исследованию, отметим, что терминология международных актов об альтернативных санкциях имеет важное значение в связи отсутствием в теории международного права борьбы с преступностью единого понимания, несмотря на то что международные акты являются результатом согласования воли государств.

Исходя из отсутствия официального перевода таких документов с английского языка на русский, в исследовании предпринята попытка четкого и единообразного определения значения такого ключевого выражения, касающегося альтернативных санкций, как *community sanctions and measures* («общинные санкции и меры»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Уткин В.А. Международные стандарты обращения с осужденными и проблемы их реализации : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ. 1998. 88 с.
2. Уткин В.А. Международные стандарты уголовно-исполнительной деятельности и стереотипы их восприятия // Уголовная юстиция. 2016. № 2. С. 89–96.
3. Организационно-правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций : сб. нормативно-правовых актов / под ред. О.В. Филимонова. М. : ПРИ. 2002. 332 с.
4. Recommendation CM/Rec (2010) 1 on the Council of Europe Probation Rules. Compendium of conventions, recommendations and resolutions relating to prisons and community sanctions and measures. Strasbourg, 2017. 248 с.
5. Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary) // The Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/168070c09b> (accessed: 10.12.2018).
6. Мовчан А.П. Кодификация и прогрессивное развитие международного права. М. : Юрид. лит., 1972. 214 с.
7. Сборник документов Совета Европы, касающихся исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, обращения с правонарушителями и содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении / сост. и пер.: В.Б. Первозванский, Н.Б. Хуторская. М. : ПРИ. 2011. 143 с.
8. Стерн В. Альтернативы тюремному заключению в развивающихся странах. М. : ПРИ, 1999. 40 с.
9. Сборник документов Совета Европы по предотвращению перенаселенности тюрем. Страсбург, 2015. 170 с.
10. Рекомендация № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Европейских правилах по общим санкциям и мерам // Официальный сайт информационной системы по документам по правам человека и тематическим публикациям. URL: http://echr-base.ru/rec92_16.jsp (дата обращения: 19.04.2019).
11. Рекомендация № R (92) 16 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о Европейских правилах по общим санкциям и мерам // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/90199574> (дата обращения: 19.04.2019).
12. Совет Европы и Россия : сб. документов / сост.: Л.И. Брычева, М.В. Виноградов, Д.В. Юзвикова. М. : Юрид. лит., 2004. 925 с.
13. Common // Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/английский/common> (дата обращения 20.04.2019).
14. Community // Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/англо-русский/community> (дата обращения: 20.04.2019).
15. Community : Definition of noun from the Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/community?q=community> (accessed: 20.04.2019).

16. *Большой толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвистических исслед. СПб. : Норинт, 2008. 1534 с.
17. *Большая советская энциклопедия* : [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Сов. энцикл., 1974. Т. 18: Никко–Отолиты. 631 с.
18. *Алаев Л.Б.* Чем была «русская община» и что такое «русская общинность» // *История и современность*. 2014. № 2 (20). С. 45–72.
19. *Уткин В.А.* *Международное право борьбы с преступностью* : учеб. пособие. Томск : Изд-во НТЛ, 2017. 216 с.
20. *Колесников А.В.* Три фронта «общества граждан»: усиление конфликтности // Московский Центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453> (дата обращения: 10.05.2019).
21. *Кон И.С.* *Социология личности*. М. : Политиздат, 1967. 383 с.
22. *Кистяковский Б.А.* *Общество и индивид* / пер. с нем. и предисл. Е. Довгань. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 160 с.
23. *Probation and probation services : a European perspective* / ed. by А.М. van Kalmthout, J.T.M. Derks. Nijmegen : Wolf Legal Pub., 2000. 576 p.
24. *Марченко М.Н.* *Проблемы теории государства и права* : учебник. М. : Проспект. 2011. 768 с.
25. *Лазарев В.В., Ливень С.В.* *Теория государства и права* : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2016. 561 с.

On the Term “Community Sanctions and Measures” in International Acts on Alternatives to Deprivation of Liberty

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2019, no. 14, pp. 70–76. DOI 10.17223/23088451/14/15

Alla L. Agabekyan, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: AllaAgabekyan@yandex.ru

Keywords: international standards for alternative sentences, community, community sanctions and measures.

The article analyses the provisions of the United Nations Standard Minimum Rules for Non-Custodial Measures (Tokyo Rules) of 1990, Recommendations on the European Rules for Public Sanctions and Measures of 1992, Recommendations of the Committee of Ministers on the Council of Europe Probation Rules 2010 as well as the provisions of the new Recommendation on the European Rules for Community Sanctions and Measures and comments thereon. Some of the specified documents require the provision of translation into the national language. The lack of an official translation from English into Russian in the most of the international standards on alternative punishments causes serious obstacles for their application. Due to the ambiguity of legal terminology, it is important to clearly and, if possible, uniformly define the meaning of certain expressions and terms for their unified understanding. The author pays special attention to the term “community sanctions and measures” and analyses its unofficial translations. While some translate it as “al’ternativnye sanktsii i mery”, although this translation is not equivalent, since death penalty is also an alternative to imprisonment, others translate it as “obshchiy”, although this translation is not equivalent either, because it does not convey the essence of these rules. Moreover, the word “obshchiy” is translated from Russian into English as ‘common’, not ‘community’. However, the most common translation of this expression is “obshchestvennye sanktsii i mery”, which seems to be the most adequate, although it does not fully comply with the essence of the European rules. The author argues that the most adequate translation of the expression “community sanctions measures” into Russian is “obshchinnye sanktsii i mery”, which imply the preservation and maintenance of sustainable socially useful relations of the offender with the community to reintegrate them into society.

References

1. Utkin, V.A. (1998) *Mezhdunarodnye standarty obrashcheniya s osuzhdennymi i problemy ikh realizatsii* [International standards for the treatment of convicts and the problems of their implementation]. Tomsk: NTL.
2. Utkin, V.A. (2016) International standards of penal activities and stereotypes of their perception. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 2. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/8/14
3. Filimonov, O.V. (ed.) (2002) *Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel’nosti ugolovno-ispolnitel’nykh inspektsiy* [Organizational and legal foundations of penitentiary inspections]. Moscow: PRI.
4. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec (2010) 1 on the Council of Europe Probation Rules/ Compendium of conventions, recommendations and resolutions relating to prisons and community sanctions and measures*. Strasbourg: [s.n.].
5. The Council of Europe. (2017) *Recommendation CM/Rec (2017) 3 on the European Rules on community sanctions and measures (accompanied by its commentary)*. [Online] Available from: <https://rm.coe.int/168070c09b> (Accessed: 10th December 2018).
6. Movchan, A.P. (1972) *Kodifikatsiya i progressivnoe razvitiye mezhdunarodnogo prava* [Codification and progressive development of international law]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Pervozvansky, V.B. & Khutorskaya, N.B. (eds) (2011) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy, kasayushchiesya ispolneniya nakazaniy i inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera, obrashcheniya s pravonarushitelyami i sodержaniya pod strazhey podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestupleniy* [A collection of documents of the Council of Europe regarding the execution of sentences and other measures of a criminal law, the treatment of offenders and the detention of suspects and accused of committing a crime]. Translated from English by V.B. Pervozvansky, N.B. Khutorskaya. Moscow: PRI.
8. Stern, V. (1999) *Al’ternativy tyuremnomu zaklyucheniyu v razvivayushchikhsya stranakh* [Alternatives to imprisonment in developing countries]. Translated from English. Moscow: PRI.
9. The Council of Europe. (2015) *Sbornik dokumentov Soveta Evropy po predotvrashcheniyu perenaselennosti tyurem* [Collection of documents of the Council of Europe on the prevention of overcrowding in prisons]. Strasbourg: The Council of Europe.
10. The Council of Europe. (n.d.) *Rekomendatsiya № R (92) 16 Komiteta Ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam o Evropeyskikh pravilakh po obshchim sanktsiyam i meram* [Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers of the Council of Europe to member states on the European rules on general sanctions and measures]. [Online] Available from: http://echr-base.ru/rec92_16.jsp (Accessed: 19th April 2019).
11. The Council of Europe. (n.d.) *Rekomendatsiya № R (92) 16 Komiteta Ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam o Evropeyskikh pravilakh po obshchim sanktsiyam i meram* [Recommendation No. R (92) 16 of the Committee of Ministers of the Council of

- Europe to member states on the European rules on general sanctions and measures]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/90199574> (Accessed: 19th April 2019).
12. Brycheva, L.I., Vinogradov, M.V. & Yuzvikov, D.V. (eds) (2004) *Sovet Evropy i Rossiya* [The Council of Europe and Russia]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
 13. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. (n.d.) *Defintions of "common"*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/angliyskiy/common> (Accessed: 20th April 2019).
 14. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. (n.d.) *Definition of "community"*. [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/anglo-russkiy/community> (Accessed: 20th April 2019).
 15. Oxford Advanced Learner's Dictionary. (n.d.) *Definition of "community"*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/community?q=community> (Accessed: 20th April 2019).
 16. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2008) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
 17. Prokhorov, A.M. (ed.) (1974) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 18. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
 18. Alaev, L.B. (2014) What was "Russian rural community" and what is "the Russian communality". *Istoriya i sovremennost' – History and Modernity*. 2(20), pp. 45–72. (In Russian).
 19. Utkin, V.A. (2017) *Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu* [International Law Against Crime]. Tomsk: NTL.
 20. Kolesnikov, A.V. (2019) *Tri fronta "obshchestva grazhdan": usilenie konfliktnosti* [Three fronts of the "society of citizens": a growing conflict]. [Online] Available form: <https://carnegie.ru/2019/02/27/ru-pub-78453> (Accessed: 10th May 2019).
 21. Kon, I.S. (1967) *Sotsiologiya lichnosti* [Sociology of Personality]. Moscow: Politizdat..
 22. Kistyakovsky, B.A. (2002) *Obshchestvo i individ* [Society and the Individual]. Translated from German by E. Dovgan. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
 23. Kalmthout, A.M. van & Derks, J.T.M. (eds) (2000) *Probation and probation services: a European perspective*. Nijmegen, Netherlands: Wolf Legal.
 24. Marchenko, M.N. (2011) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Prospekt.
 25. Lazarev, V.V. & Liven, S.V. (2016) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. 5th ed. Moscow: Yurayt.